
Катарина Мэйн
МАЖОР,
я не твоя фанатка!

Катарина Мэйн

Мажор, я не твоя фанатка!

«Автор»
2026

Мэйн К.

Мажор, я не твоя фанатка! / К. Мэйн — «Автор», 2026

После матча я жду у раздевалки с микрофоном. Мирон Ратников, капитан университетской сборной, решает, что я пришла за ним. Приходится попросить его подвинуться. Интервью мне обещал другой игрок.Мне нужен эфир финала, чтобы подать заявку на оплачиваемую стажировку. Я прохожу отбор, а в анонсе меня называют «личным выбором капитана». И как раз перед эфиром выясняется, кто попросил выписать мне пропуск на все домашние матчи.После того интервью Мирон сам ищет меня после матчей. На завтра мы договорились о свидании. До прямого эфира десять секунд, а поговорить, кажется, придётся сегодня.

© Мэйн К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 24
Глава 8 27
Глава 9 30
Глава 10 33
Глава 11 36
Глава 12 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Катарина Мэйн
Мажор, я не твоя фанатка!

Глава 1

Последний автобус уходит в девять сорок. В 21:31 я стою у мужской раздевалки и держу микрофон, который надо вернуть до девяти тридцати пяти.

За дверью кто-то орёт, что у него украли носок. По голосу — тот самый человек, ради которого я здесь торчу. Прекрасно. Пусть берёт чужой, только бы вышел.

Я ещё раз сверяюсь с сообщением. «После матча, минута, у раздевалки». Договорились. Дверь открывается. Я включаю диктофон и поднимаю микрофон.

— О, уже ждёшь?

Из раздевалки выходит капитан. Полотенце на плече, волосы ещё мокрые. Девушка у стены тут же протягивает ему телефон. Он привычно наклоняется к ней, улыбается в камеру и косится на мой микрофон.

— Две минуты дам. Уговорила.

— Позови Дёмина, пожалуйста. Скажи, я всё ещё здесь.

Он выпрямляется. Девушка с телефоном успевает сделать ещё один кадр.

— Ты ради него после сирены осталась?

— Он обещал ответить на один вопрос.

— И какой же?

У капитана за спиной наконец появляется Дёмин. На одной ноге кроссовок, на другой шлёпанец. Он видит меня и виновато втягивает голову в плечи.

— Можно ты чуть подвинешься? — говорю я капитану. — Вот сюда, к стене. Спасибо.

Дёмин ставит сумку на пол. Я подношу микрофон к Дёмину и спрашиваю, почему он отдал передачу капитану в угол, хотя под кольцом оставался свободный игрок.

— А ты заметила, что я в угол вообще не смотрел?

— Заметила. Поэтому и жду тебя восемь минут.

Он смеётся и начинает рассказывать. На полуслове капитан открывает рот. Я поднимаю палец. Вот сейчас, пожалуйста, ни звука. У меня наконец получился ответ, за которым я сюда пришла.

— Я думал, Ким шагнёт назад, — говорит Дёмин. — А он остался под щитом, там уже двое на него бежали. Кричать поздно. Я слышал, как Мирон хлопнул. Ну и бросил ему.

— Сколько оставалось?

— Три секунды. Четыре, может быть. У меня самого секунды кончились, пока он ловил мяч и проверял, где у него ноги.

— Чтобы три очка дали, — всё-таки вставляет капитан.

Дёмин поворачивается к нему.

— Вот рассказывай это тому, кто уже успел мысленно попрощаться с игрой.

Я останавливаю запись. На экране две минуты четырнадцать секунд. Если бы Дёмин рассказал всё это ещё на площадке, я бы успела дослушать и про носок.

— А я там в какую минуту появляюсь? — спрашивает капитан.

Он всё ещё у стены. Рядом с ним уже трое парней, и Дёмин, пока завязывает шнурок, поглядывает то на него, то на меня.

— Ты там на первой секунде. Я буду вырезать.

Дёмин фыркает и роняет шнурок. У капитана чуть приподнимается одна бровь.

— И что останется?

— Передача.

Я сворачиваю провод, чтобы он не тащился за мной по полу, и на бегу спрашиваю Дёмина, как у него в заявке написана фамилия: через «ё» или через «е». В заявке на сайте «Демин», а на табличке над скамейкой написано «Дёмин».

— Через «ё»! — кричит он мне вслед.

Поворачиваю за угол и только там соображаю, что микрофон я уже свернула, а человека отпустить забыла.

— Спасибо! — кричу обратно.

— Это тоже мне? — доносится голос капитана.

Я бегу дальше. В открытом зале уборщик тянет по паркету швабру шире моего письменного стола. Там, где минут пятнадцать назад весь ряд топал ногами, валяется фантик. На табло ещё горят 71:70. Я на секунду замедляюсь возле угла площадки. Если смотреть отсюда, видно, как мало места у Ратникова между боковой линией и дугой. Я с верхнего ряда решила, что он выбрал точку заранее. Дёмин говорит, что тот сперва проверил, куда поставил ноги. Надо будет пересмотреть.

В рубке уже выключен верхний свет. Работает только лампа над столом, и Шубина сидит под ней в куртке, застёгнутой до подбородка. У её ног две сумки. Моя опрокинулась, из кармана высунулся пакет с тремя яблоками.

— Девять тридцать четыре, — объявляет она, когда я кладу микрофон перед ней. — Подпись ставь сама. Я тебе уже однажды нарисовала такую, что лаборант спросил, давно ли ты сменила руку.

Я расписываюсь, забираю карту памяти, заталкиваю яблоки в карман и наконец надеваю пальто. Шубина смотрит, как я промахиваюсь мимо рукава.

— Он хоть ответил?

— Ответил. Завтра утром послушаешь? Я сама вырежу паузы, мне только скажи, понятно ли, куда он бросил.

— Если мы догоним автобус. У меня пальцы к ножкам стула примерзают.

— Ты в прошлый раз говорила, что напишешь про Дёмина, — вспоминает она. — Если их капитан сюда сам пришёл, почему его не взяла?

Убираю сумку с прохода. В рубке ещё пахнет тёплой пылью от пульта. В июне здесь было так жарко, что мы клеили на стекло распечатки объявлений, потому что с улицы в шесть било солнце. Тогда я первый раз сделала короткое интервью на пробу. Мне дали человека, который выиграл матч, и попросили спросить, что он чувствует. Я спросила. Он сказал: «Радость». Мы потеряли на этом целых две минуты, потому что остальные четыре ответа звучали примерно так же.

— Мне нужен был тот, кто отдал передачу, — говорю я. — Про бросок у нас завтра трое и без меня расскажут.

Шубина натягивает капюшон, оставляет торчать у щеки одну прядь и оглядывает пустой стол.

— С Дёминым у тебя сколько получилось?

— Две минуты с хвостом.

— А Ратникову сколько обещала?

— Нисколько.

У неё на лице появляется то самое выражение, с которым она обычно сначала молчит, потом делает всё ровно наоборот. Поднимает мою вторую сумку, закидывает себе на плечо.

— Тогда завтра сама ему объясни, если придумает тебя найти.

Хорошо бы сначала успеть до остановки. В рубке ещё висят часы, которые мы просили снять в начале семестра. На них двенадцать без десяти. По ним всегда можно решить, что вечер вообще впереди.

Она гасит лампу. Я дёргаю дверь, и ручка выскальзывает из ладони. Дверь придерживает кто-то с другой стороны.

Ратников. Уже в куртке, с сумкой через плечо. Смотрит сперва на Шубину, потом на меня.

— Кленова?

Я замираю на полушаге. Он уже успел узнать, как меня зовут? Потом замечаю в его руке пластиковый прямоугольник. Мой пропуск с фотографией, где я моргаю, и надписью «Анфиса Кленова».

— На полу у раздевалки лежал, — говорит он.

— Ох. Спасибо.

Берусь за шнурок. Он отпускает его, и я сразу завязываю на сумке узлом. Второй пропуск в этом месяце я заказывать не хочу. В копицентре десять раз перепечатала себе фотографию, пока у неё не исчез зелёный отлив.

— Можешь теперь две минуты потратить на меня, — говорит Ратников.

Из-за его плеча Шубина показывает мне телефон. Девять тридцать семь.

— Могу потратить сорок секунд. Идёшь к выходу?

Он смотрит на меня так, будто я предложила ему выйти на площадку в одном шлёпанце. Рядом с наружной дверью кто-то сигналит коротко, два раза. Ратников достаёт ключи, нажимает кнопку, и за стеклом вспыхивают фары.

Шубина уже выскочила наружу. Я бегу за ней.

В автобус мы вваливаемся через переднюю дверь по очереди, запыхавшиеся, с красными от ветра носами. Шубина падает на боковое сиденье и сразу достаёт из моего кармана яблоко.

— Это возмещение, — говорит она. — Из-за тебя я даже попросить Ратникова подвезти нас не успела.

— И куда бы он нас повёз?

— Меня куда угодно, я бы поинтересовалась, когда сядем. Ты его машину видела?

Из темноты за окном вытягиваются два прямоугольника света. Проезжаем спорткорпус. Шубина оборачивается в ту сторону, где стояла машина, а я пристраиваю сумку между колен и включаю запись. В наушнике слышны хлопок двери и «О, уже ждёшь?».

Обрезаю начало.

В общежитии я успеваю поставить чайник, пока старый ноутбук соображает, что теперь он должен открывать звуковые файлы. Шубина прикалывает над столом наш график смен канцелярской кнопкой. Внизу уже приписана сумма за комнату. Я смотрю на неё, потом на объявление городской спортивной редакции, открытое в соседней вкладке. Стажировка оплачивается. Два слова напечатаны там самым мелким шрифтом, а я их выучила раньше названия редакции.

К заявке нужен полный эфир. Через два месяца у студии освобождается одно место у микрофона на финале. Сегодняшняя запись — первый шанс показать, что я смогу провести его сама.

— Сейчас будет «куда он бросил», — предупреждаю Шубину и включаю Дёмина через колонки.

Она разгрызает последнее яблоко и поднимает ладонь.

— Подожди. До броска у вас там народ чего смеётся?

Я мотаю запись назад. Прослушиваю. На самом деле одной фразы Дёмина хватает. Ратников, пока я на него шикала, отступил к стене. На записи хорошо слышно, как он всё-таки вставляет про три очка. А потом смеётся вместе со всеми, когда Дёмин признаётся, что мысленно проиграл игру.

Мы сохраняем отрывок. Пытаюсь угадать, успею ли помыть голову до отбоя горячей воды, когда в учебном чате появляется сообщение координатора.

«Кленова, завтра в 16:10 рубка. Первый разбор в паре. Гость — Мирон Ратников».

Следом в том же чате появляется ответ от номера, которого нет у меня в контактах.

«Сорок секунд забронировал. На этот раз жди меня».

Глава 2

На четвёртом курсе журналистики нам объясняют, что гость в студии должен чувствовать себя желанным. Мне двадцать один, и я впервые понимаю, что это значит: один из двух наших стульев надо срочно убрать. Я второй раз протираю единственный наш исправный стул и надеюсь, что Ратников догадается, на какой сесть. На соседнем болтается ножка. Когда у неё окончательно слетит гайка, кого-нибудь из наших гостей мы действительно примем с распростёртыми руками.

— Ты гайку искала? — спрашивает Шубина из-за пульта.

Показывает на стол. Гайка лежит в крышке от бутылки рядом с тремя винтами, которые пока никто не опознал.

— После записи.

— Он уже идёт.

По лестнице кто-то поднимается, наступая через ступеньку. Мимо проносится лаборант с коробкой бумаги, за ним девушка с бейджем пресс-центра. Она заглядывает в рубку, спрашивает, пришёл ли капитан. Я отвечаю, что жду его, и вписываю в карточку гостя данные из заявки: двадцать два года, четвёртый курс, управление спортом.

— Вот и дождалась.

Ратников появляется за её плечом. Чёрная толстовка на нём ещё сухая после улицы, в руке телефон. Девушка отступает, чтобы дать ему пройти, и просит заглянуть потом на третий этаж. Им нужна фотография для афиши.

— Старую возьмите. Там я такой же красивый.

Девушка смеётся. У меня с пола укатывается крышка с гайкой, и я прижимаю её ботинком.

Ратников подхватывает спинку придвинутого к столу стула. Отлично. Целый выбрал.

— Ты про бросок серьёзно сказала?

— Привет, — отвечаю я.

— Привет. Ты про бросок серьёзно сказала?

Он кладёт телефон на стол экраном вверх. На нём открыт наш вчерашний фрагмент. Я сделала к нему короткое вступление про удачный бросок из угла. В общей сложности там секунд двадцать моего голоса. Он ткнул ровно в одно слово.

— Серьёзно. Мяч залетел, вы выиграли.

— А если бы я с середины площадки его закинул?

— Середина площадки у нас в заголовок длиннее влезает.

Шубина опускает голову над пультом. Вижу, как у неё дёргаются плечи. Ратников держит палец у телефона и улыбается только уголком рта.

— Приходи как-нибудь поиграть. Середину площадки тебе освобожу.

— Я в броске попадаю только в настольную корзину. Если промахнусь и там, придётся вставать за бумажкой.

Он всё-таки смеётся. Я успеваю подвинуть к нему наушники.

Координатор дал нам задание записать разбор одного эпизода. Семь минут подряд. С оговоркой, что нам обоим придётся выслушать запись в конце, если будем перебивать друг друга. Я сомневалась, что Ратников прочитал вторую строчку. Судя по тому, как он цепляется за моё вчерашнее слово, он выучил даже подпись под файлом.

Пока Шубина проверяет, в какое ухо мне подать голос гостя, Мирон заглядывает в список вопросов. Я закрываю лист ладонью.

— Так будет честнее.

— Там хоть сколько страшных?

— Один. Остальные ты уже прочитал вверх ногами, пока я за гайкой ходила.

— Повезло тебе, что я умею только вниз головой.

Он говорит это в микрофон, хотя запись ещё не идёт. Из моих наушников его голос вдруг оказывается совсем близко, ближе, чем он сидит на самом деле. Снимаю один наушник и двигаю стойку. Мирон перестаёт щёлкать ручкой.

— Так я громкий?

— Ручка громкая. Положи её на стол.

Он кладёт, но тут же тянется за листом.

— Подождать можешь?

Мирон отпускает край. Усмехается. Я пересматриваю вопросы, и на этот раз в наушниках слышно, как он ровно дышит. Кажется, первая за день минута, когда ему никто не отвечает, не показывает экран и не просит оказаться в каком-нибудь другом месте. В коридоре девушка с пресс-центра ждёт у стены. Через стекло видно, что она успела открыть в телефоне камеру, потом свернула, потому что стоять ей ещё долго.

— Если тебя ждут, можем сделать коротко, — говорю я.

— Они меня до конца пары всё равно не уведут. У меня была возможность сказать «нет», когда координатор прислал время.

— Ты сказал «сорок секунд».

— Будь моя воля, я бы тебе вечером даже автобус придержал.

— В прошлый раз я успела. Можем обойтись без героизма.

Он отворачивается к стеклу и смеётся. Шубина машет мне через пульт: уровень готов. Я поднимаю лист. На обороте карандашом записано всё, что видела с трибуны, а сверху красным выделена передача. Вот от неё и пойдём.

Мы начинаем с последнего владения. Он говорит, что выход в угол был предусмотрен. Я ставлю запись игры и останавливаю на том месте, где Ким остаётся под кольцом.

— Смотри, у тебя защитник вот здесь. Если Дёмин отдаёт передачу сразу, защитник перехватывает.

Ратников наклоняется к экрану. От него пахнет дождём. На плече толстовки я всё-таки замечаю две тёмные точки.

— Потому что он должен был пойти через Кима, — говорит он. — Ким принимает и сразу возвращает наружу. Защитник туда разворачивается, у меня шаг есть.

— А когда Кима закрывают двое?

— Я хлопаю. Дёмин слышит.

— И на кого бы ты сыграл, если бы защитник остался с тобой?

Он мотает видео назад. Большой палец на экране перекрывает половину площадки. Я не выдерживаю и подаю ему карандаш.

Ратников рисует на обороте расписания дугу, делает три пометки, четвёртую стирает ладонью, хотя карандаш об ладонь не стирается.

— Тут угол, — говорит он. — Смотри. Кто слева от меня?

Я подвигаюсь и вижу на записи Кима под щитом. Он уже выставил локти, готов поймать отскок.

— Всё равно Ким.

— Вот. Скажи мне, что я хитро придумал.

— Пока вижу, что у вас Ким дважды мог взять мяч. Сколько раз за игру вы дали ему бросить?

Ратников сдвигает наушник. Из зала внизу слышно, как включают музыку для разминки. Шубина держит ладонь возле регулятора и ждёт, буду ли я добивать паузу. Я молчу. Вчера он сам решил, что ему положены две минуты. Сейчас вдруг берёт карандаш и отмечает на схеме место, где на первой четверти Ким бежал один.

— Дважды, — говорит он. — И оба после подбора.

— А мог сколько?

Он опускает карандаш на листок.

— На следующей тренировке посмотришь.

— Она закрытая.

— Последние двадцать минут. С тренером поговорю, он нормально относится к вашей студии. Сама услышишь, как мы решаем, кто бросает.

Я нажимаю остановку. Смотрю на Шубину. Та показывает семь пальцев, хотя на таймере шесть минут пятьдесят восемь. Надо же. Ни разу не пришлось просить Ратникова повторить ответ целиком. Только начало оказалось таким громким, что в наушниках до сих пор гудит.

— Ещё раз про удачный скажешь? — спрашивает он, снимая наушники.

— Про тот бросок? Конечно. У тебя есть план, а у мяча стук об дужку был такой, что я до сих пор его слышу.

Он уже тянется за телефоном, но замирает и смотрит на меня.

— Ты всегда оставляешь за собой последнее слово?

Я показываю на пульт.

— Хочешь, запишем ещё одно?

На этот раз он первым убирает телефон в карман.

Пока мы сворачиваем кабели, дверь приоткрывается. Та самая девушка с афишей просовывает голову и просит Мирона спуститься, раз он всё равно здесь. Он кладёт ладонь на стол, подтягивает к себе лист с площадкой и спрашивает у меня, куда прислать время. Я показываю на номер в учебном чате.

— Туда. Мне после шести надо уйти в копицентр, так что отправь пораньше.

Он кивает. Девушка терпеливо держит дверь, парень за ней придерживает ей локтем тяжёлую папку. Мирон встаёт, проталкивает стул обратно под стол. Проходит мимо девушки первым. На лестнице тут же начинается разговор про фотографии. У него там всё понятно: его ждали, теперь идут за ним.

Шубина снимает один наушник.

— Анфис, — говорит она. — Он схему забрал.

Смотрю на пустой стол. Отлично. Мне же её потом прикладывать к заданию.

Телефон загорается, прежде чем я успеваю написать. Фотография листа. На месте, где я спросила, сколько раз бросал Ким, обведён угол. Под фотографией два сообщения.

«Тренер согласен. Четверг, 17:20».

И следом: «Сядешь там, где видишь всех. Посмотрим, кто первым захочет отвести глаза».

Глава 3

В спорткорпусе гудит старый холодильник с водой. Каждые полминуты он выключается, и в этот промежуток хорошо слышно, как за стеной бьют мячи. Я сижу на нижней ступеньке, заряжаю диктофон от розетки под подоконником и пытаюсь пристроить на коленях блокнот. Если сдвинуться на пять сантиметров, провод вывалится.

Напротив свободны два стула. На одном оставлена сумка с блестящим брелоком, на втором лежит сложенная ветровка. Девушка, которую я видела у раздевалки, придерживает её рукой, пока подруга пытается примоститься на краешек.

— Это Мирону.

Подруга встаёт так быстро, будто уже успела его придавить. Я на всякий случай осматриваю свою ступеньку. За ней пока никого не числится.

Ратников выходит из зала в белой тренировочной майке. За ним два игрока, один на ходу обматывает запястье белой лентой. Мирон спрашивает, где тренер, забирает бутылку из холодильника, и ему тут же протягивают ветровку.

— Я положила, чтобы никто не занял, — сообщает девушка.

— Спасибо. Сейчас приду.

Он берёт ветровку и перекидывает через подоконник. Свободный стул тут же занимает парень с лентой. Мирон ставит бутылку рядом со мной на ступеньку.

— Ты почему на полу?

— Потому что у тебя розеток под стульями нет.

Он оглядывает свой стул, потом смотрит на тянущийся к диктофону провод.

— Длинный удлинитель мог бы принести.

— Мог бы. Диктофон уже зарядился.

Я вынимаю вилку. Он подаёт мне мой блокнот раньше, чем я успеваю за ним потянуться. Хорошо, что подал закрытым. На верхней странице я набросала вопросы. Рядом с одним нарисовалась жирная клякса, потому что я три раза пыталась сформулировать, почему на последних секундах все ждут его решения.

— Можно фотку? — спрашивает девушка с брелоком.

Ратников чуть поворачивает голову к ней.

— После тренировки. Я в зал.

Она отходит от двери. Зато парень со стула поднимается и идёт за ним. Ему и приглашения не понадобилось.

Внутри тренер складывает на скамейку жилеты, разделяет игроков на две пятёрки и ставит часы на восемь секунд. Я сажусь в верхнем углу трибуны, откуда видны обе боковые линии. Запись самого упражнения тренер попросил не включать, зато разрешил после спросить игроков, что они отрабатывали. Диктофон лежит в кармане. Рядом на сиденье лежит растянутая резинка для волос, её уже трижды сдувало сквозняком, и я прижала её блокнотом.

По первому свистку всё идёт хорошо. Дёмин ведёт мяч, Ратников перекрывает ему дорогу к кольцу, Ким перебегает на открытое место. Дёмин ищет передачу. Восемь секунд заканчиваются, пока он ещё держит мяч. На трибуне было бы полно крика. Сейчас слышно, как у Кима подошва скребёт по паркету, когда он разворачивается.

— Ким бросает последний, — говорит тренер. — Мирон, вставай с ним. Ты понимаешь, откуда ему удобнее?

Мирон берёт мяч у Дёмина. Ким ждёт у дуги и переступает с ноги на ногу. Ему девятнадцать, он недавно перевёлся к нам с другого факультета и на первой игре всё время искал глазами скамейку, куда поставить сумку. Когда берёт мяч, становится на секунду серьёзнее даже тренера.

Ратников показывает ему точку у боковой линии.

— Отойди на полшага. Когда он к тебе пойдёт, уведи его вправо. Я тебя там вижу.

Снова идут восемь секунд. Ким рвётся вперёд слишком рано. Защитник уже рядом, и передача уходит ему в руки. Кто-то со скамейки громко вздыхает.

— Ещё, — говорит Ратников.

Тренер смотрит на часы.

— У вас десять минут до конца.

— Эта займёт восемь секунд, — отвечает Мирон. — Ким, сюда.

Он зовёт его пальцем, становится между ним и защитником, показывает плечом, когда начинать движение. Без мяча. Скорость почти пешеходная. Я успеваю увидеть, как Ким повторяет первый шаг и уводит взгляд совсем в другую сторону. На этот раз защитник верит, идёт за взглядом, а Ким открывается. Ловит. Резко поднимает руки. Мяч бьётся об переднюю дужку и отскакивает обратно.

— Можно было отдать мне, — говорит парень с обмотанным запястьем.

Мирон ловит отскок и прижимает мяч к боку.

— Он вышел туда, куда я сказал. У следующего щита встанешь за него, попробуем вместе.

Парень поднимает ладони, но встаёт. Мирон ждёт, пока Ким сам попросит мяч. Тут я замечаю, что моё последнее предположение в блокноте уже никуда не годится. На игре Ратников привык заканчивать атаки. Здесь у него в руках мяч, который он спокойно отдаёт обратно тому, кто дважды ошибся.

До попадания они повторяют ещё несколько раз. В какой-то момент Дёмин сходится с Кимом так близко, что оба бегут к одной отметке. Сталкиваются плечами, останавливаются и смотрят на Мирона. Мирон не свистит тренеру. Сначала расставляет обоих там, где они были секунду назад, и спрашивает, кто кого видел. Ким кивает на Дёмина. Тот вроде бы тоже видел, но решил, что Ким сейчас свернёт к щиту.

— Скажите друг другу, — говорит Мирон. — Я у вас посередине всем мешаю.

И вправду отходит. Ким показывает ногой, где должен пройти, Дёмин повторяет. С трибуны вижу, что встают они ровно туда, куда сначала показал Мирон. Только теперь Дёмин чуть ждёт, пока Ким уводит защитника, и между ними хватает места для мяча. Я могла бы сразу спросить тренера, как вообще учат так двигаться. Только вижу, что он тоже молчит. Сидит на краю скамейки и вертит часы за шнурок, пока ребята не скажут, что готовы.

Достаю блокнот. Рядом с вопросом про последнюю атаку приписываю: «Кого ты видишь?» Дома потом разберусь, к кому этот вопрос. Сейчас он одинаково годится всем троим.

Наконец Ким попадает. Тренер коротко свистит. Дёмин подносит кулак к плечу Кима, Ким стукает по нему своим. Ратников уже идёт к корзине за следующим мячом, а потом оборачивается и добавляет:

— Завтра сделаешь так с первой.

Ким улыбается, утирая подбородок краем майки. Похоже, улыбка у него вообще появляется отдельно от остального лица, когда он успевает забыть, что на него смотрят.

Спускаюсь с трибуны. Тренер у нижней ступеньки собирает мячи в сетку и спрашивает, что из сегодняшнего пойдёт в эфир. Объясняю, что в эфир пойдёт только разговор, если игроки согласятся, с площадки ничего не писала. Он благодарит и уходит с сеткой к кладовке.

Ратников берёт со скамейки куртку, натягивает её поверх майки и идёт ко мне. Из кармана торчит упаковка пластырей.

— Ну что, смотришь?

— Тренировка закончилась.

— Так я и спрашиваю, осталось тебе что записывать?

Изначально у меня был вопрос: «Ты вообще доверяешь другим последние секунды?» Он бы, наверное, ответил «да» и дальше перечислил результаты игр. Я переворачиваю страницу.

— Осталось. Почему, когда Ким промахнулся, ты сказал, что это твоя передача?

Ратников придерживает молнию куртки. На другой стороне площадки Ким помогает тренеру закатывать корзину и тихо насвистывает. Мирон наблюдает за ним пару секунд.

— Потому что он поверил мне и вышел туда, куда я показал.

— И всё?

— Всё. Если бы я кинул криво, ты бы его тоже стала спрашивать, зачем он там стоял?

Я смотрю на написанное. Зачёркиваю вопрос и переписываю с другой стороны листка, чтобы завтра с утра ничего не пришлось расшифровывать.

— А куда ты это хочешь? — спрашивает Ратников.

— В заявку на эфир. Если тренер и Ким согласятся, расскажу про вашу комбинацию.

Он перегибается через моё плечо и пытается прочитать, что я пишу. Я сдвигаю блокнот.

— Читать будешь, когда покажу.

— Я пока только хотел понять, как ты пишешь «Ратников».

— Крупными буквами. У нас на афише других нет.

Он хмыкает. В этот момент ему звонят. Он смотрит на экран и гасит вызов. Я убираю блокнот, жду, что сейчас он побежит к выходу, где девушки уже перебрались поближе к раздевалке. У него, видимо, на этот вечер другой план.

— Дай сумку. Дойдём до парковки, я подвезу.

— Куда?

— Куда тебе надо.

Смотрю на часы. Если уйти сейчас, успею на автобус и ещё закрою копицентр с коллегой вдвоём. Ратников снова запускает руку в карман куртки, видимо, за ключами. А у меня в голове всё ещё тот ответ про Кима. Я хотела спросить, даст ли он мне повторить его уже на микрофон.

— Завтра запишем? — говорю я.

— Запишем. Ты сумку-то отдашь?

Я закидываю её на плечо и иду к боковому выходу.

— Если побежишь со мной до остановки.

Глава 4

До остановки Ратников бежать не собирается. Он стоит у бокового выхода с ключами в руке и смотрит на лужу, через которую я только что перепрыгнула.

— Ты всё время так? — кричит мне вслед.

— Когда опаздываю, ещё быстрее!

С другой стороны улицы подруливает мой автобус. Водитель меня видит, даже открывает переднюю дверь чуть раньше. Я успеваю забраться на подножку и оглянуться. Мирон выходит на тротуар. Думаю, сейчас махнёт рукой или пожмёт плечами. Он достаёт телефон и фотографирует табличку у нашей остановки. Зачем ему понадобилось это расписание с оторванным углом?

Телефон вибрирует, пока я держусь за поручень. Сообщение от него.

«Завтра запись в семнадцать. Ким согласен».

И ещё одно, уже когда я нахожу место возле окна.

«А табличку у вас перевесили задом наперёд».

Наклоняюсь к стеклу. Автобус трогается, я успеваю увидеть только синий край. Пару недель назад кто-то заклеил нашу остановку объявлениями о пропавшем коте, потом их сняли вместе со схемой маршрута. Может, правда перевесили. Ну и зрение у человека. Я каждый день тут стою и замечаю только, сколько осталось до автобуса.

У копицентра уже задёрнута одна штора. Вторая заела, как всегда, на трети окна. Сквозь щель видно, как мой коллега поднял пыльную коробку и теперь пробует закрыть дверь ногой. Спешу за угол, дёргаю ручку и спасаю ему колено.

— Вовремя, — говорит он и ставит коробку мне под ноги. — Там бумага для визиток. Кладовку откроешь?

В тепле на очках выступает белая пелена. Пока ищу ключ, приходит заказ на тридцать экземпляров курсовой. По одной стороне, чёрно-белое, скрепить в левом верхнем углу. Напечатать просят сейчас, забрать придут завтра. Мы с коллегой переглядываемся. Если отправить в печать весь заказ сразу, принтер выплюнет последний лист уже после закрытия. Если отказать, человек завтра пойдёт через дорогу, где печатают дороже, зато умеют отвечать на сообщения до восьми.

— Ты курсовую пусти, я бумагу унесу, — говорю я.

Он забирает коробку. Я подхожу к принтеру. У него крышка тёплая, как у батареи в феврале. Пока листы выходят, пытаюсь записать вопрос для Кима на обороте черновика. «В какой момент ты понимаешь, что пас будет тебе?» Смотрю на жёлоб принтера, где последний лист лёг на предыдущий боком. Вопрос годится. Надо ещё спросить, что он видит, когда ждёт передачу. Издали слишком хорошо видно всю площадку. Вот бы услышать, что там на самом деле у человека перед глазами.

Коллега возвращается с курткой и листом из нашего графика.

— Тебе хозяйка в пятницу дополнительную смену предлагает. С половины шестого. До закрытия. С доплатой.

Я как раз снимаю листы с лотка. Ставлю пачку на стол, прижимаю сверху ладонью, чтобы легче вошла под степлер.

— У нас в пятницу пробный эфир. На арене.

— Во сколько?

— Игра в семь. Монтаж и проверка раньше.

— Могу выйти в пятницу. Но тогда забери моё воскресенье. Там утром пусто, доплата только с пяти, и заказ с дипломными обложками придёт рано.

Смотрю на график. Доплата за пятницу закрывает проезд до конца месяца и ремонт молнии на сапоге. В воскресенье моя смена заканчивается до доплаты. В половине девятого надо будет открыть копицентр, в час закрыть субботнюю партию заказов. До вечера ещё подготовить материалы к понедельнику. Почему сразу всё происходит в те два дня, когда у меня дома кончилась гречка?

— Я до завтра скажу, ладно?

Он кивает. Я нажимаю на степлер. Скоба входит с таким звуком, будто дерево колют. Поднимаю первую курсовую и вижу, что прострелила титульный лист возле фамилии. В левый верхний угол ещё надо уметь метить.

Мы заканчиваем печатать, когда в окне напротив давно погас свет. Коллега выносит готовые пачки к двери. Я вычищаю лоток, выдёргиваю из угла бумажную полоску. На стене за резаком висит мой собственный лист, где я когда-то расписала, какие смены смогу взять на четвёртом курсе. Утром пары, вечером копицентр, вторник оставила на студию. Теперь пробные игры выходят по пятницам, а на вторник часто приходится чей-нибудь выходной, и я уже перестала сверяться с тем первым листом. Да и зачем? Я сама его заполняла, когда ещё понятия не имела, что мне дадут попробовать прямой эфир.

Перед уходом коллега отклеивает от стойки полоску с будущими сменами. Ему в воскресенье надо встретить маму с поезда, поэтому он тоже ждёт моего ответа до утра. Вдвоём мы отдираем старый скотч, чтобы потом не приклеить новый поверх. У него получается ровно, у меня остаются два матовых пятна. Потом он выключает вывеску. Я достаю из-под стойки сапог, который успела расстегнуть, пока печатала. На улице снова придётся застегнуть. Жаль, на лодыжке ступеньки можно считать по одной.

Дома Шубина сидит над растянутым удлинителем и вслушивается в свою запись. Она собирает портфолио на звукорежиссуру и уже третий вечер подряд ищет для одного проекта звук пустой лестницы. У нашей лестницы всегда кто-нибудь есть, главным образом сосед с гитарой и девчонки, которые выходят проверить, опять ли он пришёл.

Сапог я стягиваю вместе с носком. Молния висит на одной стороне, зубцы возле щиколотки разошлись в разные стороны.

— Ты в пятницу идёшь со мной на арену? — спрашиваю я.

Она вынимает провод из наушников.

— На первых двадцати минутах буду. Потом мне в студию надо. Пульт проверить могу, звук с площадки сможем сразу послушать.

— А если я одна останусь и он отвалится?

— Какой он?

— Звук.

— Если отвалится, я тебе завтра покажу, где запасной вход. На площадке записи всё равно никто за тебя не сделает.

Она снова надевает наушники. Я подбираю сапог, пытаюсь вернуть молнию на место. С первого раза, конечно, дёргаю до конца и насаживаю бегунок криво.

Хозяйка копицентра вечером шлёт напоминание о смене. Я оставляю сообщение непрочитанным до утра. Утром едва успеваю отнести в общий холодильник две кастрюли, попавшие под ночную разморозку. Сижу с одной у раковины, когда приходит сообщение от Ратникова.

«Семнадцать, вход от старой трибуны. Автобус № 6, выходи у библиотеки. На твоей остановке он до конца недели не останавливается, там раскопали».

К сообщению прикреплена фотография дорожного знака. Сперва думаю, что ему попалась городская сводка. Приглядываюсь и вижу у знака носок белого кроссовка. Он правда ходил к остановке.

Пишу «спасибо». Потом открываю приложение и проверяю маршрут. Шестой сегодня быстрее моего. И до арены от библиотеки ближе, чем от моей остановки.

«Проверяю, чтобы ты опять не убежала на сороковой секунде», — пишет он.

«А ты засеки. Вчера у тебя получилось».

Он присылает голосовое, но я уже ополаскиваю кастрюлю. Слушаю его перед самой дверью.

— Сегодня от арены ближайший автобус обратно будет в двадцать один ноль пять. Проверь. У нас после сирены Ким даст тебе ещё один разговор, если захочешь.

У него на заднем плане скрипит турникет, я слышу, как он здоровается с охранником. Если успею поговорить с Кимом после игры, у студии будет материал с двух матчей. Киму хочется рассказать о своей игре, мне хочется задать вопрос уже после того, как он выйдет на площадку. Если пропущу этот эфир, в отборе по моей фамилии так и останется прочерк.

Отправляю коллеге подтверждение на воскресенье. Он отвечает коротким «Ок» и фотографирует исправленный график. В пятничной клетке теперь стоит его фамилия. На фотографии доплата всё ещё обведена карандашом. Прикрываю сумму пальцем. Стоило один раз подёргать молнию посильнее, и теперь за ремонт отдай почти всю смену.

В учебном чате появляется сообщение координатора. По итогам пятничных проб он выберет ведущую финала. А полный эфир в городскую редакцию ещё можно отправить в среду, до конца октября.

Из общежития я выхожу с сапогом, стянутым изнутри двумя булавками. Надеюсь, Ким задержится у площадки хотя бы на три минуты. Сегодня последняя проба. Если я её пропущу, финал проведёт кто-то другой.

Глава 5

На арене тепло, и моя запасная булавка в сапоге от этого мягче не становится. Она упирается в лодыжку. Ещё бы пять шагов, и я дошла бы до скамейки, но охранник придвигает мне обратно пропуск.

— Для прессы по списку. В списке на эту дверь вас нет.

— Мне написали, что через восточный вход.

— Это южный.

За стеклом действительно висит огромная буква «Ю», только я смотрела на нарисованный рядом баскетбольный мяч. Он есть на каждой двери. Логично. Кто тут ориентируется по мячам?

Я тянусь за сумкой, когда у стойки появляется Мирон. В руке у него бумажный пакет, на плече рюкзак.

— Привет, — говорит он мне и сразу поворачивается к охраннику. — Витальич, она к нам на эфир. Список студии у администратора.

Охранник смотрит на пакет.

— Опять пироги пронёс?

Мирон достаёт один, завёрнутый в салфетку.

— Остался один пирожок с картошкой. За него скажете, через какую дверь меня сегодня пустят?

Охранник смеётся, берёт пирог, а пропуск всё равно уносит проверить. Пока он звонит, Мирон показывает мне в дальний коридор. Под потолком фотография двух баскетбольных команд. На обеих мужик у края кадра в одинаковом тёмном пиджаке.

— Там наверху ложа. Хочешь, открою для записи? Всё поле видно. Никто под руку лезть не будет.

— А игроков слышно?

— Если дверь открыть.

За охранником ещё одна дверь. Он прикладывает мой пропуск к считывателю. Горит зелёным. Он просит вернуть его после матча или сдать на восточном входе. Мирон идёт рядом со мной вниз. По дороге двое работников арены здороваются с ним по имени. Он знает, у кого сегодня день рождения, и говорит девушке у лестницы, что в пакете есть ещё один пирог, только с капустой. У того, кто не родился в этот день, пирогов, видимо, больше нет.

— Ты тут всех знаешь?

— Почти. Арена отцовская. Я сюда лет с девяти после учёбы мотался. В четырнадцать мне дали ключ от кладовки, и я там два сезона пытался делать вид, что понимаю, сколько мячей у нас по ведомости.

Говорит это на ходу, спокойно. У меня папа в четырнадцать просил перед выходом замкнуть дверь и проверить газ. Я отлично понимала, одна у нас дверь или две. Считай, тоже рано доверили имущество.

— Так что, поднимемся? Покажу ложу.

Сверху действительно видно всю площадку, скамейки и табло, которого я вчера из рубки совершенно не видела. Ряды пустых кресел поднимаются до стекла. На столике стоит графин с водой. В углу чёрная папка с эмблемой. За стеклом Ким делает бросок с ближней дистанции. Мяч входит тихо. Я вижу, как Дёмин ему что-то говорит, но даже с открытой дверью сюда доходит только музыка.

— Красиво у вас, — говорю. — Я всё равно вниз пойду. Мне нужно слышать, что ему скажут перед броском.

Мирон опирается руками на ограждение. Смотрит, как Ким разворачивается спиной к щиту.

— Тогда у стола с запасной проводкой встань. Там музыка меньше глушит голоса.

Я жду, что он спросит, зачем поднимались, когда всё равно можно было сразу спросить про проводку. Он только показывает, какая лестница спускается прямо к площадке, и уходит переодеваться.

На площадке меня первой замечает Ким. Броска не заканчивает, ловит собственный мяч у щита и бежит к линии. Спрашивает, не ошибся ли Мирон с местом: отсюда под ногами лестница, и, когда резервисты пойдут за водой, меня точно собьют вместе со стулом. Он прав. Я передвигаю штатив, Ким придерживает провод, потом сам выходит за линию, чтобы проверить, осталось ли место.

— Вот тут лучше. Если меня позовут сыграть, ты же всё равно будешь сидеть?

— Буду. А спрашивать подойду после матча, мы договорились.

Он кивает и дважды бьёт мячом рядом с микрофоном. На втором ударе осторожно наклоняет голову: слышно? Поднимаю большой палец. Это будет первое место, куда вернётся голос площадки, если Шубина разрешит фон поднять.

Ким уже уходит, потом возвращается через шаг. Спрашивает, можно ли сперва проверить, что он скажет про тренировку. Я выключаю звук и предлагаю сказать так, как он рассказывал Мирону перед отработкой. Он сперва растерянно прижимает мяч к бедру, а потом говорит, что больше всего боялся получить передачу слишком рано. Слова простые. Вчера после тренировки он уверял нас, что был готов с первой попытки. Делаю отметку в блокноте. Сегодня я точно спрошу, в какой момент у него это чувство проходит.

Внизу Шубина уже достала микрофон из футляра. Она проверяет уровень моего голоса, не глядя на меня. Оба наушника у неё на голове. Я очень выразительно машу рукой, и она показывает большой палец.

— Когда ко мне смотришь, говоришь ровно, — сообщает она. — Когда на паркете что-нибудь происходит, ты уводишь рот от микрофона. На эфире держи вот тут.

Переставляет стойку ближе. Щёлкает нашим старым разъёмом дважды. Запасной вход заклеен лентой, чтобы мы не путали кабели. Она рисует на ленте ногтем крест.

— А уровень с площадки?

— Дай сейчас послушаю.

Я надеваю наушник. В нём брякают мячи, шуршат куртки, кто-то с лавки громко говорит, что в прошлом году разметка была ровнее. Шубина снижает фон. Я начинаю говорить и слышу себя одновременно с площадкой. Кажется, в этом зале у меня наконец получится сделать кусок, который можно будет слушать, не глядя на экран.

Испытываю это на первых двух минутах. Выходят обе команды, с трибун скандируют фамилию Ратникова. Я жду, пока затихнут, и только тогда называю его номер. В программке под портретом мелким шрифтом напечатано: «22 года, факультет управления». В прошлогодней он значился без фотографии. Сейчас его лицо ещё и на обложке. Ким выходит со скамейки чуть позже. Пробегает мимо стола, видит меня и поднимает ладонь. Я отвечаю, запоздало соображая, что он уже бежит спиной.

В первой четверти Мирон забивает из-под кольца, за ним попадает Дёмин. Во второй соперники поджимают. Мирон резко хватает мяч после свистка и идёт к судье. По его лицу видно, что он сейчас выложит всё, что знает о судействе, за одну фразу. Тренер зовёт его по фамилии. Мирон всё равно успевает сказать пару слов. Судья показывает руками знак, и тренер сразу посылает к столу замену.

Трибуна ревёт. Студентки у прохода начинают скандировать: «Ми-рон! Ми-рон!» Девушка с прошлой игры просовывает телефон между плечами двух парней. Мирон садится. Скидывает полотенце с колен, приседает у края скамейки и зовёт Кима.

— Угол держи. Он тебя всегда пропускает перед тем, как закрыться! Слышь меня?

Ким кивает. Мирон переставляет ступню, будто сам уже там стоит, и в следующий момент успевает ещё отпихнуть с линии чужую бутылку. Ким поворачивается, ловит мяч от Дёмина и бросает. С места, где я сижу, чётко слышно, как после попадания зашуршала сетка.

Я даже успеваю сказать про подсказку. Приглушаю музыку вручную, придерживаю стойку, пока рядом проходит человек с ящиком воды, и договариваю в микрофон. Сбилась только на одном слове. Просмотрю потом запись и, может быть, даже оставлю.

В последней четверти гостей держат на расстоянии одного броска. Мирон возвращается на площадку после тайм-аута, и у него уже другое лицо. Я слушаю, как он дважды требует сыграть через Кима. Один раз команда успевает, второй раз теряет мяч. Остаётся минута. Рядом со столом уткнулся в телефон оператор сборной. Надо потом спросить, снимает ли он с нескольких точек. Я бы хотела отдать студии картинку на тот момент, где видно, как Ким ждёт пас у самой линии.

После сирены я возвращаюсь к окну рубки. В наушниках опять шумят трибуны. Осталось собрать последнее включение, назвать итоговый счёт и быстро принять гостя, если координатор никого уже не назначил. Шубина давно ушла в студию. На её месте перевёрнутая табличка с номером запасного входа.

Снимаю один наушник. Слева на подоконнике стоят два бумажных стакана. Возле них, плечом к раме, Ратников. Даже куртку успел надеть. Он смотрит на меня, потом кивает на пульт.

— Ты закончила?

Проверяю красную лампочку. Пока горит.

— Ещё минута.

Он берёт свой стакан, прислоняется к стене и ждёт. За дверью по очереди зовут его два разных голоса. Он отвечает «позже» и остаётся у стены. Раньше я бы решила, что у него за дверью никого нет. А там зовут уже в третий раз.

Глава 6

— В последней атаке Грачёв остаётся один у дуги, — говорю я в микрофон. — Он видит свободного Кима под кольцом и всё равно бросает. Мяч задевает дужку. Подбор наш, но зря команда оставила себе такой бросок на последние секунды.

У пульта падает на бок карандаш. Я придерживаю его пальцем, жду, когда на экране появится счёт, и объявляю, что мы выиграли в два очка. Сквозь стекло видно, как Грачёв стягивает белую ленту с запястья. Дёмин подходит хлопнуть его по плечу, Грачёв поворачивается к нему спиной. Бросок я бы ему пересмотрела, если бы он попросил. С площадки угол обзора другой. Но Кима он видел, они оба успели друг другу кивнуть.

Возле рубки собирается народ. У одного из наших игроков младший брат приехал с другого факультета поддержать, теперь ищет вход, хотя стоит перед ним. Я показываю ему через стекло направо. Он уходит налево. Ладно. У нас тут и люди постарше с первого раза не находят.

Ратников всё ещё стоит у стены с кофе. Я киваю на второй стакан. Он подаёт его осторожно, держит снизу. Крышка уже чуть прохладная, и я отпиваю сразу, забыв, что красная лампочка у меня перед носом всё ещё горит.

— Сейчас будет вопрос от человека, которого вырезали из первого интервью, — говорит Мирон.

Я ставлю стакан на стол. Поворачиваю к себе экран, чтобы проверить уровень. Его слышно даже с расстояния, а он пока говорит так, будто обсуждает что-то на кухне.

— Дай договорю, и будет тебе вопрос.

— Я только узнать хотел. Если завтра сяду между тобой и Дёминым, мне отдельно представляться или хватит сказать, что я опять случайно попал?

Говорит он это моим голосом. По крайней мере, пытается. С таким серьёзным выражением лица, что я успеваю представить, как он сейчас повторит уже всё вступление, и смеюсь. Подставляю себе ладонь под подбородок, чтобы не уткнуться носом в микрофон.

— Хватит фамилии. Но в завтра тебя у нас пока нет.

— Запиши на послезавтра.

Он ещё успевает показать двумя пальцами на кнопку, как будто я могу не помнить, где у меня выключается эфир. Я называю следующую игру и гашу красную лампочку.

За стеклом Грачёв пальцами расправляет ленту, которую только что снял с руки. Смотрит в нашу сторону. Мирон отходит от стены и машет ему. Тот кивает, разворачивается к выходу, выбрасывает ленту в урну у двери.

— Он сегодня сам на лавку хотел, — говорит Мирон.

— Грачёв?

— Угу. Говорил, кисть деревенеет, потом передумал.

Я открываю счётчик в телефоне. В обзоре у меня остались цифры по броскам, могу хотя бы проверить, после какого момента он начал заворачивать кисть.

— Я в эфире сказала, что он Кима видел. Если запястье мешало сделать передачу, я могу спросить у него после.

— Спроси. Мы оба когда злимся, сразу думаем, что хуже нас никто в зале не сыграл. Даже если выиграли.

Он берёт стакан и отходит к двери. Тут я успеваю вспомнить дурацкую мелочь.

— Подожди. Это кофе с сиропом?

— А что, ещё и правильный надо было заказать?

— Кофе вкусный. Только я сейчас спать в полночь лягу и до часу буду думать, зачем мне так вкусно в девять вечера.

Мирон подносит свой стакан к губам и смотрит поверх крышки.

— Во сколько тебе можно принести, чтобы ты легла вовремя?

— Напиши сначала. Вдруг я дома.

— Записал.

Он не достаёт телефон. Единственное, чем в эту секунду занят, — придерживает дверь, пока я пытаюсь вытащить кабель из гнезда у стола. Кабель просто так не выходит. Шубина предупреждала, что сначала надо нажать язычок, а я вспомнила, когда уже завалила микрофон на бок.

У двери появляется координатор. Я выпрямляюсь, пальцем удерживаю отходящий разъём и успеваю поймать пульт, который слегка подвинулся вместе с кабелем. Мирон ставит стакан на подоконник и придерживает стойку снизу.

— Анфиса, ты никуда пока не ушла? — спрашивает координатор.

— Как видите.

— Я к столу подойду, как освободишься. Минут на пять.

Мирон отпускает стойку аккуратно, проверяет, держится ли она сама, и забирает стакан.

— Я выйду. Твой автобус в двадцать один ноль пять.

— Ты уже и отправление знаешь.

— Ты утром сама просила писать заранее.

На самом деле я просила его писать сначала, если соберётся с кофе. Но он уже идёт по коридору и спорит с кем-то из игроков, что на парковке возле шлагбаума разворачиваться глупо. Говорит громко, будто он всегда знает наилучшее место для разворота. Я перевожу взгляд на стакан. Тот, что он принёс мне, больше его собственного. Зачем?

Хочу его догнать, спросить про Кима и взять у того обещанное интервью, когда координатор пододвигает к столу второй стул.

— Как прошёл эфир?

— Когда вы вопрос так задаёте, хочется лихорадочно вспоминать, где я ругалась.

— На бумаге у тебя всё хорошо. Как тебе самой?

Я снимаю второй наушник. Слышу через стену, как в зале двигают стулья.

— Когда работает звук с площадки, я успеваю рассказывать, что слышу. В конце на одной фразе сказала, что Грачёв видел Кима. Мне надо у него самого спросить.

— Спроси. Запись с первой половины сохрани отдельно, там хороший разбор был. А на финал сейчас двое рассматриваются. Ты и ещё один человек из студии.

Координатор поправляет на столе мой сложенный вдвое листок. Под ним я спрятала распечатку объявления о стажировке. Видно только последние строчки, где стоит срок.

— До финала три недели, — продолжает он. — Сможешь взять ещё один послематчевый блок целиком?

— Смогу. Можно посмотреть, по каким критериям будете выбирать?

Он показывает письмо в общем чате, которое я ещё не открыла. Пробный эфир, работа со звуком, точность, самостоятельность. В списке ниже моё имя. Я умею готовить записи и говорить перед людьми. И всё равно под столом носок моего сапога начинает стучать по полу так, что приходится поставить на него вторую ногу.

— До даты отбора никого не объявляем, — говорит координатор. — Ты сегодня хорошо сработала. Дальше посмотрим.

В расписании под письмом уже есть два свободных окна. Я мысленно убираю из одного смену в копицентре, тут же ставлю её на место и смотрю на другое. В воскресенье можно записать короткую пробу, если мне дадут забрать аппаратуру хотя бы до утра. Координатор видит, что я перестала листать, и показывает на край экрана.

— Туда пока ничего не вписывай. Выпуск должен бывать и в те дни, когда Шубина не может работать. Тебе полезно заранее попробовать, как одна вывезешь гостей и площадку.

— А у второго кандидата тоже будет такая проба?

— Будет. У него своя смена в студии. Я дам одинаковое время на подготовку.

Проверяю, что услышала правильно. Как ни странно, до этого я успела забыть, что у второго человека тоже может не быть оборудования или возможности спокойно записаться. Мы сидим ещё пару минут, сверяем порядок, потом координатор уносит свой лист с карандашными пометками. Я успеваю подумать, что самое сложное уже сделала: говорила вслух, когда на площадке произошло то, чего никто не ждал. Осталось убедиться, что смогу так же, когда никто не будет подсказывать в левое ухо.

Он уходит вниз, а я ещё с минуту сижу возле тёмного пульта. Потом фотографирую список и посылаю Шубиной. Она отвечает тремя словами: «Я тебе говорила». Никаких восклицательных знаков. Она вообще никогда их не ставит, даже когда присылает просьбу срочно прибежать в общежитие с ключом.

Я быстро укладываю наушники и кабель. Выключаю свет, закрываю дверь и у самой лестницы слышу Грачёва.

Он стоит у поручня спиной ко мне. Перед ним оператор сборной, который всё время сидел возле нашего стола. На экране телефона видна площадка, потом камера медленно поворачивается к рубке.

— Последние четыре минуты мне скинь, ладно? — говорит Грачёв. — С того места, где она про мой бросок начинает.

Я уже собираюсь окликнуть его. Тут снизу кто-то кричит, что шестой автобус стоит, двери открыты. Грачёв убирает телефон и идёт к раздевалке.

Оператор пропускает меня на лестнице. Прикладывает телефон к уху, зачем-то убавляет громкость.

Я слышу собственный смех.

Глава 7

На экране я говорю, что Грачёв выбрал бросок зря. Потом смеюсь.

Смотрю ещё раз. Грачёв на площадке стягивает ленту с запястья, мой голос чуть тише музыки. «Зря команда оставила себе такой бросок». И сразу мой смех, громкий, с коротким всхлипом на вдохе. Пятнадцать секунд. Проверяю, не выключен ли звук на моём телефоне. Стоит включить, и узнаю, сколько человек уже успели это переслать. Оставляю как есть.

Шубина стоит возле кровати и держит телефон экраном ко мне. За её плечом открыто окно. С улицы пахнет сырым бельём, кто-то оставил сушилку на балконе до утра. Ниже поста бегут новые комментарии. Первый комментарий успеваю прочитать вслух, до собственного имени. Накрываю экран пальцами. Шубина сразу убирает телефон.

— Это где? — спрашиваю я.

— В канале университета. Кто-то переслал из командного чата.

— А в какое время?

Она показывает. Полчаса назад. Я за эти полчаса успела сделать чай, найти старую молнию, которую можно было бы переставить на сапог, и один раз порадоваться, что у меня есть шанс попасть на финал.

— Вот я дура, вчера же слышала, как он попросил запись.

Ставлю кружку на подоконник. Ручка цепляет раму, чай переливается через край и течёт к телефону. Шубина быстро убирает провод, берёт с батареи моё полотенце и бросает на стол.

— Ты попросила бы запись, я бы тебе тоже отправила, — говорит она. — Где исходник?

— На карте. Так. Карта у меня. Она в синем кармане.

Открываю сумку. Кармана два, оба синие. В первом резинка для волос, бумажка со счётом и моя фотография для пропуска. Во втором наконец нахожу футляр от карты. Он пустой. Секунду тупо смотрю на прозрачную крышку. Потом вспоминаю, как оставила карту в переходнике и вставила в ноутбук, чтобы отправить координатору запись первой половины.

Ноутбук на столе. Карта торчит сбоку. Я всё-таки трогаю её пальцем.

Пока открывается проект, звонит координатор.

— Анфиса, ты видела ролик?

— Да. У меня полная запись. Я там смеялась гораздо позже. Сейчас найду секунды.

— Пришли исходник и приезжай к двум в спорткорпус. Я позвал ребят, с которыми это разошлось. Обсудим на месте. До разговора публикацию следующего эфира приостановил.

— Моего блока?

— Твоего блока.

Мне хочется спросить, почему его приостановили, если одна кнопка прокрутки всё объясняет. Вместо этого я смотрю на бегунок, который прыгает по звуковой дорожке туда-сюда, и выдыхаю медленно, чтобы голос не подскочил.

— Пришлю через пять минут. И ссылку с точным временем.

— Хорошо. Я послушаю.

Он отключается. Шубина забирает у меня наушник, надевает себе и ищет место. Я замираю рядом. Через двадцать секунд она стаскивает наушник и поворачивает ко мне экран.

— Вот. После итогового счёта сорок семь секунд. Смотри.

Смотрю. Вот мой комментарий о броске. Вот итог игры. Вот ещё объявление. И только потом Мирон, который коверкал мой голос и строил из себя человека, случайно попавшего в кольцо.

На пересылку уходит две минуты. Третью я трачу на то, чтобы написать время каждого фрагмента. На четвёртой вижу новое сообщение под роликом. Девушка спрашивает, давно ли можно получать эфиры, если флиртуешь с половиной команды.

Палец уже стоит над строкой ответа. Я закрываю канал и открываю переписку с координатором. Там два серых значка рядом с файлом. Отправился.

Перед выходом Шубина находит нормальный футляр для карты и отдаёт мне свой старый провод. Говорит, в комнате для разбора есть телевизор, но к нему, как правило, не у кого взять кабель. Проверю в сумке по дороге. Я настолько уверена, что в технической части всё будет гладко, что сначала засовываю футляр в тот самый карман, где уже два раза безуспешно его искала.

— Ты сама там всё скажешь? — спрашивает Шубина.

— Если дадут открыть рот.

Она смотрит на меня поверх очков. Повернуть разговор в шутку у неё не получается, потому что у меня опять начинает дрожать голос. Берёт куртку с крючка, расправляет воротник, а потом убирает руку.

— Попроси, чтобы включили целиком. От первого слова про бросок до смеха. А там уже можешь и помолчать.

У обуви на коврике стоит её сумка, туда после каждой нашей записи уходит половина техники. Мне на секунду хочется попросить, чтобы она пошла со мной. Начинаю «А ты…», успеваю вспомнить, что у неё через час собственная проба в студии. Она сегодня собиралась наконец дописать тот звук с лестницы.

— Вечером послушаю твой выпуск, — говорю я вместо этого.

— Если вернёшься раньше, чайник на плите.

Я снимаю с крючка пальто. Руки всё ещё дрожат, зато карта у меня в кармане, провод в сумке, а полный файл уже можно включить с трёх разных устройств. Если в комнате для разбора и правда окажется телевизор, сегодня ему придётся работать.

В спорткорпус я приезжаю на двадцать минут раньше. Автобус в субботу полупустой, у задней двери едет пакет с яблоками, который кто-то привязал к поручню. Хозяйка пакета сидит впереди, ждёт, пока подъедем, и всё время переглядывается со мной. Я могла бы спросить, не помочь ли ей, но всю дорогу подбираю слова для разговора и встаю только на своей остановке.

В коридоре перед рубкой свободен тот самый стул с отвалившейся ножкой. Теперь он подпирает дверь в кладовку. Я прохожу к комнате для разбора игр. На столике перед ней лежит чья-то пачка печенья, открытая с двух сторон. Две девчонки из пресс-центра замолкают, когда я подхожу, а потом одна говорит «привет». Я отвечаю. Вторая открывает дверь и заглядывает внутрь.

— Анфиса пришла.

Координатор выходит ко мне. В руках у него телефон и лист с распечатанным расписанием. Мою фамилию на листе вижу с расстояния шага. Она перечёркнута карандашом. Возле пятницы.

— Студия получила запись, — говорит он. — Я её прослушал. Слова совпадают, порядок другой. Дай мне десять минут, поговорю с ребятами, кому отправили и где оригинал видео.

— Я могу ему сама сказать, где был смех.

— Сейчас они ответят, потом тебя позову.

Я киваю. Он закрывает дверь. В кармане шуршит чек за проезд, я сминаю его, не вынимая. Разговор начинается сразу, и через дверь слышно каждое слово. Из всех возможных мест для ожидания мне дали то, откуда можно услышать всё про себя.

— Я в свой чат выложил, — говорит Грачёв. — Откуда мне знать, кто его переслал?

— Ты вырезал середину? — спрашивает координатор.

— Середину убрал. Зачем всем слушать итог игры, они там были. И смех оставил. Она-то сама тоже понимает, чего смеётся.

Кто-то двигает скамью. Вслед за этим слышу Мирона.

— Повтори последнее.

Грачёв молчит секунду.

— Да ладно тебе. Ты же сам её постоянно цепляешь.

— Я ей в лицо говорю. Ты зачем нарезал?

Я отвожу взгляд от дверной ручки. Плёнка с номером комнаты отходит от двери на одном углу. Если поддеть ногтем, можно оторвать до половины.

— Потому что стыдно, — говорит наконец Грачёв. — Там на трибуне всё видели. Даже Ким мне потом сказал, что был один.

— Был, — отзывается кто-то тихо. По голосу Ким.

— И она про это сказала, — говорит Мирон. — А смеялась, когда я полез к ней с вопросом. Я там стоял. Удаляй у себя, выкладывай целое. И напиши, что сам переставил куски. В канал, откуда потом унесли.

Грачёв что-то отвечает вполголоса. Слышу только «один раз». Следом шумит застёжка на чьей-то сумке.

— Пожалуйста, по одному, — говорит координатор.

Я всё ещё держу руку в кармане. Бумажка смялась до твёрдого комочка и колется в ладонь. В другом кармане карта в футляре. Я зачем-то взяла её с собой, хотя утром отправила целый файл. Чтобы было что положить на стол, если кто-то решит, что вторая запись тоже из двух кусков.

Из комнаты опять доносится голос Грачёва.

— А если я подпишу, что это она из-за тебя засмеялась? Чего мы ходим кругами? Давай сразу.

Я берусь за ручку. Ещё чуть-чуть, и они там согласятся, как именно меня защищать, потом выйдут и сообщат, какую из двух историй мне оставили.

Открываю дверь.

В комнате вся пятёрка, запасные вдоль стены, кто-то сидит на мяче. Мирон стоит у стола с закатанными рукавами. При виде меня вытаскивает из-под стола стул. Я прохожу мимо стула и кладу карту рядом с распечаткой.

На распечатке всё ещё видно мою зачёркнутую фамилию.

— Сейчас включим эфир с того места, где я говорю про бросок, — говорю я. — А потом я хочу услышать, почему вы сняли меня с пятницы.

Глава 8

На отметке «сорок семь секунд» в комнате становится так тихо, что слышно вентилятор в старом компьютере. Мой смех теперь звучит ещё громче, чем утром в общежитии. Я бы с удовольствием убавила. Руки держу на краю стола.

— Вот, — говорю, когда запись заканчивается. — Кто снял меня с пятницы?

Координатор поворачивает к себе распечатку. Под моей зачёркнутой фамилией пять пустых строчек. Он достаёт из кармана карандаш, вертит его, потом кладёт на стол.

— Я. До разговора. Там у тебя был прямой эфир, поэтому поставил резерв.

— Напишите тогда «резерв». А то если я опять увижу свою фамилию зачёркнутой, решу, что уже могу идти менять смену.

Кто-то у стены тихо смеётся. Координатор наконец смотрит на меня, а не на лист. Потом берёт телефон и открывает расписание студии.

— В пятницу послематчевый блок ведёшь ты. Пока один. В воскресенье подведём итоги по всем пробам.

Он показывает мне экран. Фамилия встала на место. До финала ещё можно дойти. Подтягиваю к себе стул, сажусь. Оказывается, всё это время у меня дико болела лодыжка. В сапоге даже нет булавки, я настучала по подошве пяткой, пока ехала.

— А запись кто выложит? — спрашиваю я.

Грачёв прислоняется спиной к батарее. Он держит телефон низко, у колена, и экран светит ему в подбородок.

— Сейчас сделаю.

— В университетский канал тоже.

— Туда уже админ выкладывает, тут я вообще ни при чём.

— Напиши ему. Он поймёт, если от тебя придёт.

Грачёв бросает взгляд на Мирона. Тот стоит у стола, где я положила карту, и уже застегнул один рукав. Второй по-прежнему закатан.

— Напиши, — говорит он.

Грачёв опускает голову к телефону. Минуту ждём, пока он печатает. Дёмин поднимает с пола мяч, на котором сидел кто-то из запасных, и поворачивает его так, чтобы надпись смотрела вверх. Ни один человек не тянется к выходу.

— Отправил, — говорит Грачёв. — Анфис, извини.

Я провожу пальцем по ребру футляра. Он так торопится договорить, что чуть не глотает моё имя. Раньше Грачёв звал нас с Шубиной просто «девчонки» и никогда не смотрел, кто именно ему подал микрофон.

— Прочитаю, когда выйдет, — отвечаю.

На лестнице замечаю, что левой рукой до сих пор держу тот смятый чек. Выкидываю его в урну вместе с ещё двумя бумажками, давно лежавшими в кармане. Звоню Шубиной, чтобы сказать про пятницу. Она берёт после второго гудка.

— Я видела. Уже подписала нам комплект. У твоей стойки опять надо подтянуть винт.

— Я сама подтяну.

— Вот это я и боялась услышать.

Она отключается. Смотрю на телефон и вижу: университетский канал обновил публикацию. Сверху короткая подпись от Грачёва. Он объяснил, что склеил куски, и приложил полную запись. Внизу тот же ряд комментариев. Как будто им и спешить некуда. Кладу телефон в сумку, поднимаю воротник и выхожу.

Всю неделю до пятницы мне присылают то исправленный ролик, то первую нарезку. У одной одногруппницы в телефоне сохранились оба, и она спрашивает на семинаре, надо ли

удалить плохой. Я говорю, пусть удаляет. Потом по дороге в копицентр слышу в наушниках, как диктор на местной станции объявляет матч, и вспоминаю, что мне надо придумать два коротких вопроса игроку, который второй матч подряд выходит в стартовой пятёрке. На сайте команды он по-прежнему в резерве. Хорошо, что проверила. Вычёркиваю вопрос о том, когда он начнёт игру с первых минут.

До пятницы я ловлю себя на том, что перед любым включением записываю время крупнее обычного. Хочется оставить доказательство, что я не могла засмеяться не там. В четверг прихожу к Шубиной на звуковую пробу и прямо посреди записи замечаю это: она просит прочитать две строки, а я отмечаю, на какой секунде шуршит рукав.

Шубина нажимает пробел.

— Ты его снимать будешь?

— Кого?

Она ловит манжет и показывает, как он двигается по проводу. Я убираю руку. В следующем дубле тише. На одном слове я сама себя перебиваю, потому что уже слушаю, что могло попасть в запись.

— Давай один раз так, будто рядом только я, — предлагает Шубина.

— А если рядом вся площадка?

— Ты на них смотри. Запись тебе потом ещё слушать.

С третьей попытки оставляем. Она собирает файлы, я звоню координатору. В пятницу среди гостей будет новичок, который ещё ни разу не говорил после игры. Спрашиваю, можно ли сперва объяснить ему порядок: где встать, куда смотреть, когда уйдём со звука. Координатор спрашивает, зачем тратить время на человека, которого, может быть, даже не позовут к микрофону.

— Чтобы он не узнал из чужого телефона, где у нас начинается эфир.

В трубке шум стульев. Координатор проверяет зал, в котором мы записывали первую пробу. Наконец говорит, что можно. И что в пятницу он предупредит оператора, когда у нас воздух.

После звонка замечаю, как сильно сжимаю карандаш. За весь день ни разу не записала время рядом с фамилией Грачёва. Кладу карандаш рядом с вопросами для новичка. Если хотя бы на один сумеет ответить своими словами, нам хватит.

В пятницу у площадки почти нет мест. На скамейке перед нашими лежат четыре красных полотенца. Мирона из-за них я сначала не вижу, только слышу, как с дальней стороны трибун кто-то зовёт его по имени. Потом он проходит под рубкой, поднимает голову и коротко показывает мне ладонью: всё в порядке? Я отвечаю тем же. Рядом с моим стулом коленом у стойки сидит Шубина и в третий раз затягивает винт, который я, конечно, посадила криво.

Послематчевый блок проходит хорошо до последней минуты. С площадки пропадает звук, и я слышу только собственное дыхание. Пальцем нахожу под столом крест, который Шубина нацарапала на ленте. Переключаю кабель. В наушник возвращаются шаги и шум уборочной машины, которая уже выехала из угла. Гость смеётся, говорит, что его тоже чуть не увезли. И я спокойно заканчиваю разговор.

Едва выключаю эфир, отодвигаю наушники и первым делом пишу Шубиной: «Крест сработал». Она отвечает фотографией винта, крупно. Видимо, это у нас теперь тоже профессиональный знак.

Спускаюсь к выходу. Ратников стоит на ступеньках и застёгивает пальто. На верхней пуговице задерживается, потому что в другой руке у него пакет с чем-то, что пахнет горячим хлебом. Две девушки возле двери зовут его сниматься для афиши следующей игры. Он говорит, что подойдёт через пять минут. Они уходят внутрь. Ратников переставляет пакет с руки на руку.

— Сегодня тебя ждать можно? — спрашивает он.

— Я уже закончила. Слушай, Мирон.

Он чуть поворачивает голову. Наверное, привык, что я зову по фамилии. Я сама успела привыкнуть.

— Спасибо, что тогда сказал им, где я смеялась.

Он кивает. У пакета снизу проступило круглое масляное пятно. Мирон подхватывает его второй рукой.

— Пирожок хочешь?

— С чем?

— С капустой. В этот раз мне сказали, что я должен хотя бы один съесть сам.

Я беру. Салфетка горячая, а руки у меня холодные. Мирон ждёт, пока я укушу, и говорит:

— Пойдём со мной ужинать.

Я чуть не откусываю кусок салфетки вместе с пирожком. Вытягиваю бумагу изо рта. За дверью снова кто-то зовёт его по фамилии, и он в этот раз даже не оглядывается.

— Когда?

— Завтра. Я заеду после тренировки.

— Завтра я работаю. И в следующие выходные тоже. У нас отбор до финала, а я воскресеньями теперь в копицентре.

— Значит, после отбора. В субботу. В семь.

— Подожди, я ещё не сказала, что согласна.

— Я слышал. — Он сдвигает рукав, смотрит на часы. — У меня кончаются пять минут. Мне идти?

Ратников улыбается. Стоит посреди ступеньки, никаких ключей ещё не достал. Он ждёт, положив ладонь на дверную ручку. Я отдираю от пирожка прилипший угол салфетки.

— Иди, — говорю я. — У тебя там афиша.

Он берётся за ручку и оборачивается.

— Суббота. В семь. Решишь — скажешь.

Дверь закрывается. Я стою на ступеньках с половиной пирожка в руке. До автобуса ещё четыре минуты. Открываю расписание смен и нахожу ту субботу.

Глава 9

На выезд еду с командой до пересадки. У заднего входа Мирон держит список. Сверяет фамилии, спрашивает Дёмина про Кима, отправляет кого-то за забытой сумкой. Меня замечает в тот момент, когда я пропускаю двух игроков с чехлами.

— Тебе опять надо бежать?

— Сегодня меня обещали довезти целиком.

Мирон показывает свободное место у окна. Рядом с ним. Я вижу оттуда экран у водителя, где мотают счёт прошлой игры, и спрашиваю, будет ли слышно звук. Человек с камерой говорит, что всё ушло на передние колонки. Мне нужна скамейка ближе к водителю. Ставлю сумку туда. Мирон опускает руку, кивает и идёт проверять, кто всё-таки не взял чехол для формы. Через несколько минут приносит мне лист с номерами хозяев. Один номер изменился, напротив он подписал, кого спросить, если диктор площадки снова проглотит фамилию.

Пока автобус ждёт зелёного, мы видим на экране старую тренировку. Ким идёт к щиту, за ним двое. Мирон наклоняется через спинку и указывает налево, где партнёры разворачиваются.

— Если они так встанут сегодня, я должен успеть увидеть его раньше. Приму на эту ногу, потом отдам.

Пробую объяснить это словами, понятными тому, кто смотрит с телефона и видит две спины. Мирон терпеливо слушает первую попытку, на второй говорит, что я перепутала сторону. Потом выпрямляется и идёт к Киму. Ким на секунду поворачивается к экрану, туда, где мы только что обсуждали его позицию. Киваю ему. Теперь, если он окажется близко к щиту, я хотя бы сама буду знать, куда смотреть.

В выездном зале окно у рубки не закрывается. Кто-то подложил в щель кусок губки, и через него пахнет мокрыми листьями. Я сижу в пальто, записываю концовку и вижу площадку сверху так хорошо, что успеваю заметить Кима раньше, чем дошёл до щита Мирон.

— Слева свободно, — успеваю сказать я в микрофон.

Ким поднимает обе руки. Мирон уходит вправо, разворачивает защитника и бросает сам. Он бросал с этой точки в первой четверти и попал. Сейчас мяч скользит по дужке, один раз отскакивает от щита и падает в руки сопернику. Сирена догоняет нас на обратном пути.

Я выключаю фон на пульте. Студент у соседнего микрофона уже снял наушники. Сидит с открытым ртом и смотрит на площадку.

— Ну зачем, — наконец говорит он.

На моей линии ещё горит красное. Говорю, что выиграли хозяева, называю счёт, потом прокручиваю про себя эпизод и добавляю, куда мог уйти мяч. Без догадок о том, кто что видел. После истории с нарезкой эта формулировка приходит первой. Держу её в голове до конца эфира, пока игрок хозяев рассказывает, как их тренер просил закрыть левую руку капитана.

Через двадцать минут все разбегаются. Из соседней комнаты уносят два складных стола. Оператор просит меня взяться за край одного, я помогаю перевернуть и проставить номера на ножках. В нашей рубке остаётся один стол, три кружки и мой шарф. Я как раз накручиваю его на руку, когда дверь толкает Мирон.

В коридоре слышно, как у Дёмина звонит телефон. За ним люди идут на выход. Мирон прикрывает дверь локтем.

— У тебя там Ким был свободен. Серьёзно?

Я кладу шарф обратно на стол. Голос у него тихий, хотя дверь он едва не снял с петель.

— Был. У меня запись сверху.

— Снизу так не выглядело.

— А я снизу и не сидела.

Он проводит ладонью по лицу, сдвигает стул и встаёт рядом со столом. Я задвигаю чашку подальше от ноутбука, открываю видео. На первой прокрутке мы оба смотрим на Мирона. Во второй я останавливаю на той секунде, где перед ним открывается коридор к щиту. Ким у противоположного угла штрафной. Защитник делает шаг внутрь.

— Вот отсюда у него дорога, — говорю я.

Мирон наклоняется. Щурится. Я жду, что сейчас он укажет на защитника и скажет, что тот успел бы перехватить. Он двигает бегунок немного назад. Смотрит на другого игрока, который бежит сзади. Потом снова ставит то место, где на экране Ким поднимает руки.

— Ты его увидела раньше, чем он поднял руки?

— Он отступил, как на тренировке. На полшага. Внутри стало свободно.

— Я думал, он опять пойдёт к щиту до передачи.

Из коридора доносится громкий смех. От двери тянет холодом, я ноги подбираю под стул. Мирон наконец замечает щель в окне. Идёт к подоконнику и прижимает створку. Окно чуть двигается, щёлкает старой ручкой, но толку мало.

— Вон там губка, — говорю я.

Он поправляет её, возвращается, упирается руками в край стола. На площадке внизу Ким помогает утащить бутылки под трибуну. Мирон видит его и дважды стучит костяшками по столу.

— Поговорю с ним.

— Может, он и не ждал паса.

— Ждал. Я ему до игры сказал, что увижу.

Закрываю ноутбук. Ким после игры ни разу не повернулся к скамейке, даже когда тренер сказал, что все могут идти.

Мирон смотрит на пустой стул рядом со мной.

— Пять минут у тебя есть?

— На запись?

— Можно без неё.

Где-то в коридоре металлически щёлкает замок. Мне в копицентр сегодня уже не надо. Автобус через четверть часа. Если повезёт, дойду за шесть минут. Можно вполне уйти, и он скажет команде, что догонит их у выхода. Я кладу сумку на пол.

Он садится. Стул качается. Мирон ловит его ногой, подсовывает под короткую ножку сложенную программку и только тогда опирается на спинку.

— Они на первой игре тоже заорали, когда я на лавку сел, — говорит он. — Я встал судье сказать, что он пробежку пропустил. Сейчас думаю, зачем я вообще к нему пошёл. Он же своими глазами смотрит.

— Ты прямо сейчас о судье думаешь?

— Нет. Я думаю, как дойду до Кима и скажу ему: «Я видел, что ты есть, просто решил бросить». Потому что примерно так и было. А я хотел бы всё свалить на угол.

Он говорит и смотрит на свои кроссовки. На левом отклеился край полоски ленты, которую все клеят после игры. Мирон приглаживает её большим пальцем, потом отрывает совсем и сворачивает в шарик.

Мне вдруг хочется пересказать ему, как я в девятнадцать лет записывала первый репортаж и с перепугу назвала спикера не тем именем. Обошлась бы история без выводов, потому что там дальше я просто заперлась в туалете. Открываю рот. Мирон уже смотрит на меня, и приходится начинать с самого неловкого.

— У меня однажды семьсот человек слушали, как я назвала проректора Игорем Петровичем.

— А он кто?

— Галина Сергеевна.

Мирон коротко смеётся. Проводит ладонью по столу, смахивает в мусор кусок ленты.

— И что ты сделала?

— На следующей паре подошла к ней. Она сказала, что ей всю жизнь не нравилось её имя, но Игорем Петровичем она ещё никогда не была.

Снова смеётся. В этот раз громче. В коридоре кто-то подхватывает смех, видимо, услышал. Мирон на секунду поворачивает голову к двери, потом встаёт.

— Пойду найду Кима, пока он бутылки до дома не вынес.

Беру шарф. У двери он останавливается и достаёт телефон. На экране карточка события, которую я успеваю увидеть прежде, чем он её гасит. Городская команда. Просмотр в ноябре.

— Мне сегодня в зале надо было хорошо сыграть, — говорит он. — Один человек смотрел. Прислал вот это после сирены. Утром отвечу.

— Почему утром?

Он пожимает плечом.

— Хочу сначала понять, кому я завтра скажу, что согласился.

Мирон открывает дверь. Мне надо прямо к выходу, ему налево, вниз к площадке. На лестнице он поворачивается, видит, что я ещё стою, и усмехается.

— Пять минут, Кленова. На целых триста секунд больше, чем у раздевалки.

Проверяю часы. Одиннадцать минут. Я впервые за весь вечер сама прозевала время.

Глава 10

Письмо из студии приходит, когда я обеими руками держу пачку только что напечатанных объявлений. Телефон зажат между ними и стойкой. Он дважды вибрирует, потом уезжает к самому краю. Я щекой прижимаю верхние листы, локтем подтягиваю телефон и успеваю прочитать только «Результат отбора».

— Если там правда «срочно», клади на стойку, — говорит коллега. — Листы мы тебе заново порежем.

Это он так шутит после того, как я однажды уронила уже порезанные визитки. Мы потом целый час собирали их по фамилиям наших клиентов.

Кладу пачку. Оттираю от экрана белый след клея. Открываю письмо.

Мой блок — первый по оценкам. Внизу расписано, где сняли балл за уровень звука и где добавили за вопрос гостю. Следующая запись на арене, полный эфир финала. Если я готова, надо ответить сегодня до шести.

Нажимаю «ответить». Печатаю «Готова». Стираю. Добавляю «Здравствуйте» и фамилию координатора, потому что так правильно, потом опять стираю. Пишу: «Здравствуйте! Подтверждаю, беру финал». Отправляю раньше, чем успеваю ещё раз переставить слова.

Коллега режет бумагу. Поднимает глаза.

— Так срочно было?

— Финал дали.

— Тогда я по человеку справа возьму. Тебе придётся постоять и порадоваться, а то у тебя палец дрожит прямо над резаком.

Отхожу к стеллажу с коробками. У окна сквозит, и я засовываю руку под мышку. Там она и согревается, и дрожит уже почти незаметно. Пишу Шубиной. Она отвечает фотографией пустого чехла от наушников и подписью «Финал забираешь ты. Наушники ты забрала в среду. Хватит побеждать меня по всем фронтам».

Смотрю на чехол, смеюсь. В моём кармане как раз их провод. Придётся вернуть сегодня, она после девяти пишет пробу на портфолио.

На почте уже лежит второе уведомление. Арена просит проверить данные на пропуск. Фамилия моя, фотография старая, личных вещей в комнату аппаратной столько-то. Открываю карточку, чтобы поправить одну цифру в телефоне. Заявку завели наутро после того матча, ещё до нашей пробы в рубке. Тогда ни я, ни координатор ещё не знали, на какие игры меня поставят.

Пробую посмотреть историю. Доступна только первая строка. «Инициатор — администрация арены». Под ней адрес с фамилией сотрудника, которого я не знаю. Отправляю короткое письмо, уточняю, кто просил внести меня в пропуск. Решила бы, что там всем раздают по первым интервью, но у второй ведущей, с которой я прошла на отбор, на арену пропуск оформили только при мне. Она стучала в стекло и просила у охранника пустить её в туалет, пока ждала письмо.

— Визитки, — напоминает коллега.

Я поворачиваюсь. У него в одной руке ровная пачка, в другой коробка подходящего размера. Нужно перевязать лентой и поставить имя заказчика. Работа под простые движения, после неё язык наконец перестаёт липнуть к нёбу.

После обеда приходит Шубина. У неё в пакете черновой плакат с чёрной точкой у края. Просит проверить, в файле проблема или в принтере. Увеличиваю изображение. Точка есть. Шубина вздыхает и садится рядом со стойкой. Пока она ищет ноутбук, показываю уведомление об аккредитации.

— Ты раньше такое видела? Дату поставили сразу после первого матча.

Она читает снизу вверх, как обычно читает бумаги, где сначала идут фамилии, а самое важное запихали в конец.

— Тебя тогда в студию записали. Про арену нам ничего не говорили. Мне пропуск оформили уже после первой пробы. Я ещё паспорт утром забыла.

Забираю телефон. Письмо отправила, ответ не пришёл. Пытаюсь вспомнить, не писала ли я сама какую-нибудь просьбу, которая могла выглядеть как согласие на все матчи. В чате первый разговор про Дёмина. Во втором координатор назначает разбор с капитаном. Дальше просьба про смену в копицентре, дальше Ратников передвигает время у тренера. Когда это всё происходило, я еле успевала дочитывать сообщения.

— Ты только не гадай, — говорит Шубина. — Если твоё имя есть, спроси, кто попросил. Они там все друг друга знают.

Доделываем плакат. Шубина подписывает на обороте свою фамилию и приписывает фамилию человека, который сделал рисунок. Говорит, так им проще самим не перепутать, на кого потом ссылаться. Два года назад мы подписывали только, кто принёс бумагу. Я смотрю на обе фамилии. Теперь мне ещё сильнее хочется знать, чья стоит внизу моей заявки.

К закрытию уже темно, и свет от принтера ложится на пустую стойку голубой полосой. Я вышвыриваю в мусор испорченную обложку, закрываю кассу и замечаю за стеклом Мирона. Стоит возле двери снаружи, прислонился к стене и разговаривает по телефону. На нём куртка той же команды, что на программке с его фотографией. Мимо проходят две девушки, здороваются. Мирон кивает и продолжает говорить.

Натягиваю пальто. Выключаю принтер, жду, пока перестанет гудеть. Мирон остаётся там же.

— Он к тебе? — спрашивает коллега.

— Сейчас узнаю.

На улице неожиданно пахнет дождём, хотя с утра сухо. Мирон, увидев меня, говорит в телефон, что перезвонит, и убирает его.

— Я сегодня с нормальным вопросом, — говорит он.

— Начинай с ненормального, а то поначалу обычно скучно.

Он смотрит на моё пальто, потом на ноги.

— Хорошо. Ты всегда ходишь с одной расстёгнутой молнией?

Я опускаю глаза. Сапог опять открылся у щиколотки. Булавку вытащила утром, потому что она меня в автобусе чуть не прикончила.

— Только по выходным и когда меня зовут на финал.

Мирон переводит взгляд на моё лицо. Ох, когда он так резко поворачивается, приходится на секунду остановить все остальные мысли.

— Взяли?

— Взяли.

Он улыбается. Сначала чуть-чуть, потом по-настоящему. Стоит посреди вечерней улицы и улыбается на моё одно слово так, будто это ему только что дали сыграть последний мяч.

— Я думал, ты раньше узнаешь.

— Вот сейчас и узнала.

У стены кто-то оставил грязную тележку. Мирон отодвигает её носком, чтобы можно было сойти с тротуара рядом, а не по очереди. Идёт со мной до угла. Больше про финал не спрашивает. Рассказывает, что согласился на городской просмотр и что ему ответили через две минуты, хотя было воскресенье. Я успеваю услышать, во сколько ему надо быть в спорткомплексе. Дальше он вдруг замолкает.

Над дорогой висит табло остановки. Оно показывает шесть минут до моего автобуса. Ратников смотрит туда же.

— Ну так что, Кленова? В субботу увидимся?

В сентябре он подошёл бы и сказал, что в субботу заедет. Сейчас поправляет лямку моей сумки, когда та соскальзывает с плеча, и ждёт.

— Суббота, — говорю я. — В семь. После финала.

Его рука ещё на лямке. Он отпускает не сразу.

— Отсюда забрать?

— Давай от пекарни. Там свет есть. Мне за хлебом всё равно.

— От пекарни. Хлеб сама выберешь или мне можно дерзить?

— Можешь сходить за салфетками.

Он смеётся, и я улыбаюсь ещё у самой остановки. Автобус уже выворачивает из-за угла, а я вместо проездного достаю телефон. И тут он вибрирует. Администратор арены переслал строку старой заявки.

«Закрепить за домашними играми сборной. По просьбе М. Ратникова».

Открываю письмо ещё раз. Сверху тот же сентябрьский день. Я поднимаю голову, но Мирон уже отходит от тротуара и машет мне рукой из-за мокрых фар.

Глава 11

С утра мне дважды хочется написать Ратникову про заявку. Сначала в очереди к автомату с кофе, потом на семинаре, когда преподаватель шагает между рядами и вслух перечисляет слова, которыми нельзя начинать репортаж. «Как стало известно» у него в списке первым. Я смотрю на экран и вижу, что именно так бы и начала, если бы сейчас не стёрла сообщение целиком.

Вместо сообщения открываю результаты отбора. У меня четыре балла за работу со звуком из пяти. У второго кандидата все пять. Зато у меня выше оценка за живые вопросы и за то, что я восстановила связь с площадкой. Перечитываю свои оценки, пока преподаватель проходит мимо. Только на третий раз замечаю, что дальше внизу отдельно расписано, кто слушал записи. Ни одной фамилии с арены. Университетская студия присвоила файлам номера и разослала своим преподавателям.

С экраном проще, чем с вопросом, зачем кто-то в сентябре уже решил, что дать мне пропуск на чужую арену — его дело.

После пары я иду в спорткорпус за записью с другой камеры. Для финала готовлю вступление о том, как команды играли на выезде. Не хватает эпизода, где Дёмин успел принять мяч у лицевой. В студенческой версии его закрывает плечо охранника. В командной, говорят, всё видно.

Оператор оставил файл у ребят. В комнате для разборов сидит Грачёв. В руке у него жёлтый медиатор, он щёлкает им по краю телефона. Меня видит и перестаёт.

— Ты за видео?

— Да. Нужна концовка с Дёминым.

Он поднимает с лавки флешку. Не протягивает, а ставит на стол. С неё торчит розовый колпачок в форме кошачьей лапы.

— Сам не покупал, — говорит.

— А я и не спрашивала.

— Да вижу, как ты смотришь.

Берусь за лапу. На обратной стороне маркером написано, что файл один, третий. Грачёв откашливается.

— Я тот ролик ещё с телефона снесу. Если тебе нужно, чтобы я показал, что его правда нет.

— В канале поправка есть. Дальше это твой телефон.

Он кивает. На запястье у него всё ещё лента, но в этот раз чистая, ровно отрезанная. Около его сумки лежит лист с упражнениями; поперёк первого задания чёрной ручкой написано «начни с передачи». Грачёв замечает, что я прочла, и переворачивает лист.

— Он мне дома уже надоел с этой передачей, — говорит.

— Мирон?

— Ну да. Тебе же он после первого матча тоже сам всё устроил. Говорил, ты пока сама не просила, но всё равно потом приедешь.

Поднимаю глаза. Он уже тянется к локтю закатать рукав и не сразу замечает, что я перестала убирать флешку.

— Что устроил?

— Пропуск. Я с ним был. Дёмин ещё ржал, что тебя пригласили на все матчи теперь, лишь бы ты хоть на один вопрос его ответ оставила.

Мы оба молчим. Из зала едва слышно стучит мяч. Я поворачиваю кошачий колпачок у себя в ладони, пока острый край пластика не упирается в ноготь.

— Он просил поставить меня в эфир?

— Про эфир не слышал. Там разговор был, чтобы тебя внесли пораньше, а то ты каждый раз убегаешь, когда он подходит. — Грачёв снова берёт телефон. — Ну, если что, твои оценки уже вывесили. Ты же выиграла отбор.

Я говорю спасибо за файл и ухожу. В коридоре ставлю сумку на подоконник. Пишу Мирону «У тебя есть пять минут до финала? У рубки». Он отвечает, пока я застёгиваю молнию.

«Буду до разминки».

После того как пишу Мирону, поднимаюсь в рубку. У нас на стекле до сих пор наклеена полоска ленты, на которой кто-то долго отмечал, сколько осталось до игры. В сентябре было тридцать семь, потом цифры стёрлись, а дальше стали писать поверх. Сегодня осталось одно большое «0», маркером на ленте. Кто-то рядом добавил смертельно серьёзное «проверить пульт». Я беру тряпочку, которую у нас оставляют для очков, и пытаюсь стереть ноль. Он остаётся только чуть размытым.

Координатор внизу собирает технические листы. Пишу ему, можно ли на пять минут спуститься сверить, кто подал мою фамилию на пропуск. Он заходит сам, сжимает под мышкой стопку программок и сразу говорит, что заявку студии подписывал и вчера, и в сентябре. Ставит программы у моего стула, открывает почту. Вот имя, вот время, вот список на всё оборудование. На листах студии я иду второй с конца, между оператором и человеком, который носит стойки. Оставляю экран открытым и показываю ему старую карточку.

— Это допуск гостя, — говорит он. — Студия по нему никого на эфир не ставила. Могла сразу убрать, если тебе не нужен был. Главное, чтобы у тебя были наши дни и наш пропуск.

— А вы видели тогда, что меня отдельно попросили?

Координатор долго листает. Потом улыбается одному своему письму, где в середине красным выделено «срочно», и говорит, что видит сейчас. Тогда в одну неделю менялись двери, резервная рубка и список для аккредитации. Доступ получали все, только не в одно время. Он подумал, что кто-то из команды заказал допуск заранее, чтобы я могла дождаться их после игры. Смысл в этом есть. Только мне никто не сообщил, о чём договорились, а Грачёв это запомнил до сих пор.

В раскрытом окне у меня ответ Мирона. «Буду до разминки». Сорок секунд, на которые он в первый вечер уже опоздал, теперь можно было бы ему вернуть. Написать, что передумала, увидеться после матча, чтобы в эфире не вспоминать всё сразу. Координатор говорит, что до финала ещё два дня и лучше бы мне просто спокойно готовиться. Я переворачиваю карточку заявки. Последние четыре цифры его номера совпадают с номером у меня в телефоне. Приглашение на ужин от него лежит в переписке чуть выше.

— Я готовлюсь, — говорю. — Скажите ещё, по старому пропуску сейчас можно попасть к команде гостей? Мне оттуда нужно будет взять имя первого игрока.

Он протягивает мне чистый лист. Мы вписываем нужные двери, подпись на входе и время, когда могу подойти к гостям. У листа есть всё, что мне нужно, включая одну клетку, где я могу написать, откуда пришла. Сегодняшней датой. Подписываю и прикрепляю сверху к папке. А старую карточку оставляю в телефоне. Мирон не зря согласился прийти до разминки. Он, кажется, пока единственный, кто может рассказать, что сам успел решить за те сорок секунд, когда я уже выбежала.

День финала проходит рывками. То в студии готово всё, и мы с Шубиной десять минут спорим, лишний ли мне переходник, то в такси по дороге к арене звонят узнать, где бумажный список команды гостей. Я перекидываю список. Пытаюсь читать по нему фамилии, пока водитель тормозит у каждого светофора. Шубина держит мой ноутбук на коленях, как ребёнка, который только уснул.

В аппаратной уже несут наши стойки. Я проверяю, куда отсюда выводят звук, и успеваю на глаз переставить микрофон в нужное гнездо. Шубина это видит и впервые за полдня ничего

не говорит. Потом подходит ближе и тихо сообщает, что в соседнем проходе на нас уже ждут фотографа.

— На кого на нас?

— На тебя и Ратникова. Для анонса.

У меня в руках сложен пополам лист с позициями команды гостей. Как раз на сгибе фамилия их капитана. Приглаживаю сгиб, кладу лист на стол. Координатор, услышав наш разговор, спрашивает, знаю ли я, что съёмка необязательная. Ему про неё сообщили уже после того, как он прислал на арену подтверждение эфира.

В проходе возле ложи выходит девушка с планшетом. Спрашивает, какой фон лучше для общего снимка: логотип арены или площадка. Говорит так, будто нас осталось только поставить на метки. Протягиваю ей лист с утверждённым эфиром и спрашиваю, кто просил именно совместную фотографию.

— Нам прислали карточку из пресс-службы. Они хотели больше внимания к финалу. Можно и с обеими командами, только у ведущего гостей нет времени подняться.

— У гостевой команды сегодня кто будет первым у микрофона?

Она листает таблицу.

— В анонсе только наш капитан. Думала, вы потом сами решите.

— Тогда скажите, пожалуйста, нужен ли им отдельный проход. Я попрошу администратора, чтобы никого не задержали перед эфиром.

Девушка уходит звонить. На планшете открыт эскиз. Сверху Ратников с мячом. Мою фотографию втиснули под кольцом. Рядом с ней одна короткая строка.

Я вспоминаю Грачёва с розовой флешкой. Он сказал, что ребята смеялись ещё тогда, когда я ничего не знала. На свою половину эскиза я кладу ладонь. Тут должна была стоять эмблема студии. Мы с Шубиной ещё в сентябре спорили, в какой угол её поставить, чтобы не перекрывала счёт.

Девушка возвращается. Говорит, что гостям оформят общий проход. Спрашивает, звали ли меня специально на сцену. С таким удивлением, что я понимаю: для неё две фамилии под фотографией ничем не отличались от любой другой строки в списке.

— Можно просто уйти в рубку и включиться по времени, — говорит он. — Тебя ждут в эфире. Фото это отдельная история.

На телефоне открывается студенческий канал. Превью уже вышло, под двумя старыми фотографиями, которые умудрились поставить рядом. Мирон в игровом зале, я с микрофоном и с заправленной в воротник прядью. В подписи сперва идёт счёт прошлой встречи. Следом жирным шрифтом: «У микрофона Анфиса Кленова — личный выбор капитана».

Шубина перестаёт трогать стойку. Я открываю изображение на весь экран. Под снимками зачем-то нет эмблемы студии, только арена и две одинаковые короткие подписи. Моя фамилия напечатана крупнее его. Как будто для меня старались.

Глава 12

— Я сниматься не буду, — говорю я.

Шубина вытаскивает у меня из-под руки лист с составом гостей. Угол опять загнулся, и она выпрямляет его ногтем.

— Мне фотографу сказать или ты сама?

— Я сама. Он где?

Фотограф стоит в проходе, распутывает ремень под вспышкой. Рядом лежат два свёрнутых плаката, перетянутые канцелярской резинкой. Чей-то голос из аппаратной говорит, что капитан придёт сюда до разминки. Фотограф видит меня, показывает на белую стену. Свет уже выставлен, надо всего лишь встать на полоску серого скотча.

— Я на фото не пойду, — говорю я. — И старую фотографию прошу убрать из анонса.

Он отпускает ремень.

— Тебя тут везде уже запостили. Можем новую поставить, всё равно переоформлять.

— Фотографию можно совсем убрать. Составы, время и площадку отправлю редактору канала сама.

— Кому сказать, что ты отказалась?

— Можно мне сказать. Я здесь.

Он смотрит на полоску скотча, меряет глазами расстояние до стены и всё-таки усмехается.

— Вовремя поймала. Ещё минуту, и я бы зонт разложил.

Убирает вспышку в кофр и уходит с камерой к площадке. На стене остаётся квадрат более светлой краски под местом, где раньше висел указатель. Я стою напротив и вдруг понимаю, что звука за стеной почти нет. Идёт представление спонсоров, музыку ещё держат вполголоса. Через десять минут начнут объявлять команды. У меня в руке телефон, а открытый анонс так и висит на экране.

В рубке набираю редактору канала. У неё сегодня в очереди четыре записи и расписание автобусов для болельщиков. Она, наверное, прочтёт моё письмо только тогда, когда начнётся второй тайм. Но я всё равно прикладываю своё вступление: первый состав, второй состав, где открыть трансляцию. В конце прошу заменить подпись. Студия выбрала ведущую по результатам проб. Ратников в отборе не участвовал.

Шубина читает поверх моего плеча. Держит переходник между двумя пальцами.

— Отправляй, — говорит. — Только укажи номер игры, а то они опять перепутают арену с корпусом.

Указываю. Отправляю. Пока мы проверяем звук по кабелям, приходит ответ: «Поменяем, поняла». Ничего больше. Даже почему старый текст уже успели поставить, не объясняет.

— Десять минут, — сообщает Шубина. — Я у второго входа в аппаратную. Если понадоблюсь, рукой маши.

Она забирает свой рюкзак и выходит. В рубке горит одна лампа над маленьким столом. Под ней две стопки листов и чашка с четырьмя шариковыми ручками. Я проверяю первую. Пишет. Перекладываю её вправо. Проверяю вторую, тоже пишет. Зачем их тут целых четыре? Кажется, ещё одна у меня в кармане пальто.

На разминке мне приносят вторую раскладку. В ней у гостей переставили двух игроков и потеряли три буквы в фамилии капитана. Беру ручку, переписываю по заявке тренера. От звука первых бросков стойка чуть заметно дрожит. Шубина по переговорному просит сказать что-нибудь спокойное.

— Гости сегодня в тёмной форме. Как фон?

— Фон ровный. Ты чуть выше говоришь, чем обычно. Давай ещё.

Я повторяю на полтона ниже. Слышно меня и то, как кто-то под щитом трижды бьёт мячом. Из прохода координатор даёт знак, что скоро перестанут всех пускать. Показываю ему лист с исправленной фамилией. Он просит передать диктору на площадке. Выхожу к лестнице, нахожу человека с листами и прямо на месте обвожу нужную строку.

Возвращаюсь. За стеклом включают табло, и буквы на нём на секунду вспыхивают разом. У меня вдруг простая мысль: отец Мирона здесь мог купить любую табличку и распорядиться, что под ней напишут. Я могу попросить поменять одну строчку и всё равно сесть за пульт. Несколько месяцев мне хотелось именно этого. Ни одного вечера я ещё так долго не ждала.

Стягиваю резинку для волос, завязываю снова. Сдвигаю карточку заявки на самый верх, рядом с программкой. Только после этого открываю звук площадки.

В дверь стучат два раза, второй короче первого.

Мирон приходит в форме, сверху чёрная куртка на молнии. Волосы сухие. Судя по волосам, он не успел выйти на разминку. Под мышкой держит мяч, и когда замечает, что я смотрю на него, перекладывает в другую руку.

— Я в проходе фотографа встретил, — говорит. — Он сказал, что ты к ним не пойдёшь.

— Ты видел, что они написали?

Достаю телефон. Карточка первого пропуска открывается сразу: я уже столько раз за день на неё смотрела, что приложение успело вынести адрес в подсказки. Рядом сверху анонс, ещё старый. Мирон читает его. Переводит взгляд на карточку. Подол куртки цепляется за мяч, он дёргает его и, видимо, даже не замечает, что ткань хрустнула.

— Это к анонсу отношения не имеет, — говорит он.

Губы у меня мёрзнут, хотя в рубке тепло. Пальцем выключаю экран.

— Я знаю, что эфир по оценкам мой. Мне интересно, почему пропуск на меня попросили на следующий день после первого интервью.

Мирон опускает мяч на стул. Мяч чуть катится к краю, он придерживает его пальцами, пока не останавливается.

— Я попросил.

— На всю команду, на весь турнир?

Он смотрит на меня и, кажется, хочет сказать что-то ещё. На трибунах начинают хлопать музыке. Три раза подряд, потом пауза.

— На все домашние игры, — говорит он.

— Зачем?

Он засовывает руки в карманы куртки. У кулака натягивается молния. Я жду, что он вспомнит про тот вопрос к Дёмину или объяснит, почему студии удобно иметь человека рядом со сборной. Любая из этих причин могла бы быть правдой. Одну я даже могла бы принять.

— Ты тогда ушла к автобусу, — говорит Мирон. — А я пошёл к администратору. Он сказал, что оформит заявку утром. Хотелось, чтобы тебе пришлось вернуться.

За стеной щёлкает динамик. Чей-то голос зовёт игроков закончить разминку и собраться у лавки. Мирон не оборачивается.

— Думал, если по делу, ты придёшь. А там я ещё раз попробую с тобой поговорить.

В рубку заглядывает Шубина. Показывает наушники и десять пальцев. Десять секунд. Мне надо сказать залу, кто сегодня играет, и в каком порядке наши гости выходят через боковой тоннель. Я даже знаю, какую фамилию ведущий на площадке наверняка проглотит, если ещё раз будет читать с листа.

Мирон тянется к ручке.

— Погоди, — говорю я.

Он замирает. Я беру наушники у Шубиной и успеваю надеть один.

— После игры дождись меня.

— И ещё. Завтра в семь я не приду. Сначала поговорим про пропуск.

Мирон отступает. На таймере три секунды. Я захлопываю дверь рубки, кладу пропуск рядом с микрофоном и нажимаю кнопку эфира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.